

6. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б.В. Волженкин. Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ. СПб., 1998. С. 11–19. Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. М., 1992. № 17–18. Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. 2-е изд. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 22 и др.

7. Максимова И.Е. Личностные особенности фальшивомонетчиков / И.Е. Максимова // Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России: Материалы VIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 24–26 мая 2006 г.: в 6 кн.: Кн. 2. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006.

8. Неустроева А.В. Правовые криминалистические проблемы установления субъективной стороны преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. / А.В. Неустроева. Саратов, 2011. 28 с.

9. Пономарева Н.С. Взаимообусловленность характеристики личности преступника-фальшивомонетчика и общественной опасности совершаемого им преступления / Н.С. Пономарева // Современное право. 2006. № 9.

10. Кругликов Л.Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние / Л.Л. Кругликов // Вестн. Ярослав. гос. ун-та. 2007. № 4.

11. Апелляционное постановление Московского городского суда от 19 ноября 2014 г. по делу № 10-15633/14. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 июня 2014 г. по делу № 10-8014/14. Апелляционное постановление Московского городского суда от 09 июня 2014 г. по делу № 10-5930/14. Апелляционное постановление Московского городского суда от 27 марта 2014 г. по делу № 10-4527/14.

12. Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений. Ч. 1 / Котсылева Г.В., Муженская, Н.Е. М.: Проспект, 2014. 640 с. // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

13. Определение ВАС РФ от 27.08.2008 № 10924/08 по делу № А32-17817/2007-55/430.

Criminally-legal characteristic of counterfeiting: theory and practice

Samir Zul'fievich Aliev, candidate of juridical sciences, associate professor at the department of criminal law and procedure Moscow Witte University

On the basis of the analysis of the criminal legislation, judicial practice and copyright proposals are considered some of the issues of criminal legal characteristics of counterfeiting.

Keywords: *counterfeiting; counterfeit money; counterfeit securities; criminally-legal characteristic*

УДК 343.2/7

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С УЧЁТОМ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ УГОЛОВНОГО ПРАВА

*Татьяна Викторовна Досюкова, канд. юрид. наук, доц.,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
e-mail: tvdoss@mail.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте,
<http://www.muiv.ru>*

В статье анализируются новеллы уголовного законодательства, не соответствующие теоретическим основам уголовного права, на примерах ч. 6 ст. 15, ч. 3 ст. 35 и 210, ст. 159.1–159.6, ст. 226.1, 229.1 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное законодательство, теоретическая база кодификации, наказание в виде лишения свободы, категория преступлений, преступное сообщество (преступная организация), контрабанда, мошенничество, объект преступления

Т.В. Досюкова

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации с момента его вступления в силу 01 января 1997 г. подвергся кардинальным изменениям. В настоящее время насчитывается 173 Федеральных закона (далее – ФЗ) и семь Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации: от 27.05.2008 № 8-П, от 13.07.2010 № 15-П, от 10.10.2013 № 20-П, от 19.11.2013 № 24-П, от 17.06.2014 № 18-П, от 11.12.2014 N 32-П, от 16.07.2015 № 22-П.

Так, в 1998 г. было принято два ФЗ, в 1999 г. – уже семь ФЗ, по восемь в 2001 и 2002 годах, семь в 2003 г., пять в 2004 г., два в 2005 г., четыре в 2006 г., десять в 2007 г., восемь в 2008 г., тринадцать в 2009 г., двадцать два в 2010 г., двенадцать в 2011 г., четырнадцать в 2012 г., двадцать два в 2013 г. двадцать пять – в 2014 г. и тринадцать – в 2015 г. (на ноябрь месяц).

Такая мобильность отечественного уголовного законодательства свидетельствует не только и не столько о желании законодателя «держать руку на пульсе» развития общественных отношений в разных сферах жизни нашего государства, но зачастую указывает на многие негативные факторы, к каковым можно отнести как недостаточную изначальную теоретическую базу кодификации, так и банальную теоретическую неподготовленность законодателя при принятии либо изменении ряда уголовно-правовых норм. Кроме того, некоторые законодательные новеллы вызывают больше вопросов, чем удовлетворение от ожидаемого совершенствования уголовного закона. Более того, если изменения и дополнения Особенной части УК РФ ещё можно как-то объяснить развитием и изменением общественных отношений, возникающих в разных сферах жизни страны, то некоторые нововведения не поддаются логическому восприятию.

Так, первую совершенно негативную реакцию автора вызвало изменение Федеральным законом 07.12.2011 № 420-ФЗ редакции частей 2 и 3 ст. 15 УК РФ, согласно которой к преступлениям небольшой тяжести теперь относятся умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трёх лет лишения свободы. Соответственно к преступлениям средней тяжести, кроме умышленных деяний, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы, относятся неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, превышает три года лишения свободы. Кроме того, введена часть 6 следующего содержания: «б. С учётом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при условии, что за совершение преступления, указанного в части третьей настоящей статьи, осуждённому назначено наказание, не превышающее трёх лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части четвертой настоящей статьи, осуждённому назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части пятой настоящей статьи, осуждённому назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы».

Если увеличение максимального срока наказания в виде лишения свободы с двух до трёх лет как критерия преступлений небольшой и средней тяжести (ч. 2 и 3 ст. 15 УК РФ) ещё можно (с большой натяжкой) объяснить реализацией законодателем принципа гуманизма к лицам, совершившим преступления, ну и ещё желанием разгрузить места отбывания лишения свободы, то введение ч. 6 ст. 15 УК РФ, в которой суду даётся субъективное право на изменение категории преступления, вызывает серьёзные подозрения. На наш взгляд (как на первый, так и последующие) законодательное поло-

жение ч. 6 ст. 15 УК РФ содержит потенциальную коррупционную составляющую, выраженную в следующем. Согласно полученному праву судья, установив наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств (а такое встречается довольно часто в правоприменительной практике при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел), вправе изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления. При этом суд, установив, отсутствие отягчающих обстоятельств в обвинительном заключении, руководствуясь ч. 2 ст. 61 УК РФ, содержащей возможность признания смягчающими обстоятельствами таких, которые не предусмотрены ч. 1 ст. 61 УК РФ, может признать смягчающими любые обстоятельства по своему усмотрению. Далее судье единолично, по своему усмотрению, следует только обеспечить условия для изменения категории преступления на меньшую: назначить осуждённому наказание за преступление средней тяжести до трёх лет лишения свободы (включительно), или другое более мягкое наказание; за совершение тяжкого преступления – наказание до пяти лет лишения свободы (включительно), или другое более мягкое наказание; за совершение особо тяжкого преступления – наказание до семи лет лишения свободы (включительно). При этом норма ч. 6 ст. 15 УК РФ является не императивной, а диспозитивной, т.е. дающей право, а не устанавливающей обязанность судей поступать в одинаковых случаях одним и тем же образом. Реверанс законодателя в виде оговорки «с учётом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности» ненамного повышает объективность приговора, поскольку также находится в субъективной плоскости усмотрения суда (точнее – судья при равных условиях в одних случаях может воспользоваться предоставленным правом, а в других – в силу большой загруженности (объективный фактор), отсутствия желания по какой-то причине (субъективный фактор) – проигнорировать это право. Например, при прочих равных условиях, взятка может стать очень действенным объективно-субъективным фактором, влияющим на принятие решения судьи воспользоваться правом, данным ч. 6 ст. 15 УК РФ. Коррупционность рассматриваемой уголовно-правовой нормы можно было бы избежать, сделав её не диспозитивной, а императивной, т.е. обязать суды при каждом рассмотрении уголовного дела исследовать вопрос об изменении категории преступления и обоснование своего решения обосновывать в приговоре по каждому делу.

Очень серьёзные вопросы вызывают введённое Федеральным законом от 03.11.2009 № 245-ФЗ в часть 4 ст. 35 УК РФ дефиниция преступного сообщества (преступной организации), согласно которой им признаётся структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Во-первых, любая организованная группа, т.е. устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ), структурирована, т.е. имеет свою структуру, о чём ранее упоминал и автор [2, с. 72; 3, с. 34; 4, с. 21]. Термин «объединение» показывает, что преступная группа является более совершенной и более опасной формой криминального образования не только с уголовно-правовой точки зрения, но и с социально-психологической. Организованная группа имеет высокий уровень саморегуляции и иерархическую структуру, включающую, как правило, три звена, а в ряде случаев и более высокий уровень управления, руководства, подчинения и распределения функций между преступниками. В подавляющем большинстве случаев организованные группы имеют пирамидальную структуру, на вершине которой находится лидер, а в непосредственном его окружении – небольшая группа лиц, принимающих основные решения. А разъяснение, содержащееся в абзаце втором п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сооб-

щества (преступной организации) или участия в нем (ней)» о том, что структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присущи взаимодействие различных её подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации), – вполне подходит любой организованной группе.

Во-вторых, ныне действующая дефиниция преступного сообщества (преступной организации) содержит в качестве обязательного субъективного признака – две цели: 1) цель совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений и 2) получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Установлением второй цели законодатель значительно снизил возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ для случаев, когда структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующее под единым руководством, поставило своей целью совершение: убийства (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) либо умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (типа «покалечить») – п. «е» ч. 2, ст. 111 УК РФ или истязания (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ; особенно с применением пытки – п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ) – по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или, например, с целью изъятия органов или тканей для трансплантации; террористического акта (ст. 205 УК РФ) либо содействия террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), захвата заложника (ст. 206 УК РФ), организации незаконного вооружённого формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ). А ещё опаснее, если целью преступного сообщества будут насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ) или вооружённый мятеж (ст. 279 УК РФ) либо совершение преступлений против мира и безопасности человечества.

В приведённых случаях, при наличии первых трёх признаков преступного сообщества, нельзя считать его таковым по причине отсутствия второй обязательной цели – получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. В перечисленных преступлениях цель может быть совершенно другая.

Такое сужение ответственности даже на теоретическом уровне – это умысел или неосторожность законодателя? Или «невиновное» причинение потенциального вреда интересам правосудия, а, в конце концов, – государству? На практике-то и так понятно – доказать наличие преступного сообщества можно лишь при условии, что соответствующее дело должно получить либо большой общественный, политический резонанс (если оперативно сработают СМИ), либо быть «заказным» – чтобы другим неповадно было. В остальных же случаях известно, что уголовные дела о преступном сообществе неукоснительно разваливаются ещё на стадии предварительного расследования, зачастую в силу вполне объективных причин, в крайнем случае – в суде. Так вот теперь, после внесённых изменений, и на законодательном уровне вышеперечисленные преступления априори не могут быть совершены преступным сообществом.

Следующий негативный фактор во вновь вводимых или редактируемых нормах – игнорирование учения об объекте преступления. Общеизвестно, что в основу структуры Особенной части УК РФ положены родовая и видовой объекты преступлений. Не вдаваясь в разногласия учёных о сущности объекта (только ли это общественные отношения, либо правовое благо, либо интересы блага и общественные отношения и т.д., на которые посягает преступное деяние), обратим внимание на довольно вольное обращение законодателя с переводом одного вида объекта в другой. Так, Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ была исключена ст. 188 УК РФ (контрабанда) и вместо неё УК РФ дополнен двумя самостоятельными статьями – ст. 226.1 (контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ,

радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей) и ст. 229.1 (контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ). При этом видовым объектом преступлений главы 24 УК РФ, куда поместил законодатель ст. 226.1 является общественная безопасность, а преступлений главы 25 УК РФ, где находится ст. 229.1 УК РФ, – здоровье населения и общественная нравственность. При этом под контрабандой теперь понимается «незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» перечисленных в диспозициях ч. 1 указанных статей предметов.

Если в целом можно согласиться с местом уголовно-правовой нормы ст. 229.1 УК РФ и соответствующим видовым объектом, то по вопросу объекта преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, есть неясность. Так, если контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов ещё как-то (но не всегда) может угрожать общественной безопасности, то вот контрабанда культурных ценностей к общественной безопасности, на наш взгляд, никакого отношения не имеет. Незаконное перемещение культурных ценностей через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС – преступление экономическое, поскольку культурные ценности России всегда имели и имеют высокую экономическую стоимость. Кроме того, контрабанда как незаконное перемещение через границу (государственную или таможенную) именно своей объективной стороной посягала (и посягает) на внешнеэкономическую деятельность Российской Федерации (как часть экономической деятельности), поскольку законное перемещение через границу любых товаров и предметов, в том числе и предметов, перечисленных в ныне существующих статьях 226.1 и 229.1 УК РФ, преступления не образует.

Таким образом, видим, что внося указанные изменения, законодатель не учёл саму сущность контрабанды и, ориентируясь лишь на специфические предметы данного преступления, довольно произвольно изменил видовой объект преступления. Разумеется, и с непосредственным объектом также получилась путаница.

Кроме того, возникает вопрос, считать ли контрабандой незаконное перемещение через таможенную либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – не членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Да и что считать незаконным перемещением? В ст. 188 УК РФ были чётко указаны те способы перемещения, которые считались незаконными и которые влекли уголовную ответственность. Теперь же диспозиции указанных вновь введённых в УК РФ уголовно-правовых норм ещё более расширили свою бланкетность, и для определения «незаконности перемещения» правоприменитель должен обращаться к ряду других Федеральных законов, в том числе к Таможенному кодексу РФ.

Одновременное стремление к гуманизации уголовного законодательства и в то же время детализированию уже давно известных России преступлений привело к нарушению теоретических основ конструирования уголовного закона. Так, всем известное с незапамятных времён преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ (мошенничество), Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ было детализировано ещё шестью ста-

тьями: 159.1 (Мошенничество в сфере кредитования), 159.2 (Мошенничество при получении выплат), 159.3 (Мошенничество с использованием платёжных карт), 159.4 (Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности), 159.5 (Мошенничество в сфере страхования) и 159.6 (Мошенничество в сфере компьютерной информации).

С одной стороны, можно было бы предположить, что все эти шесть вновь введённых норм суть специальные нормы по отношению к ст. 159 УК РФ. А раз нормы специальные, то уголовное наказание должно быть выше, чем в ст. 159 УК РФ, как, например, в специальных нормах статей 277, 295, 317 по отношению к п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ или ст. 290 по отношению к ст. 285 УК РФ. Однако, сравнив санкции всех «159-х» статей, видим, что наоборот – составы преступлений, предусмотренных вновь принятыми статьями, привилегированные, поскольку санкции содержат наказание более мягкое, чем в ст. 159 УК РФ. Но и это утверждение не совсем верно, поскольку есть различие в каждом виде наказания, если сравнить санкции каждой статьи между собой. Так, если сравнивать только основные составы указанных статей (части первые), то выясняется, что наказание в виде штрафа во всех санкциях одинаковые, за исключением ст. 159.4 УК РФ (мошенничество в сфере предпринимательской деятельности), где штраф в виде определённой суммы предусмотрен до пятисот тысяч рублей против сто двадцати тысяч во всех остальных статьях. В части первой этой же статьи не предусмотрены такие виды уголовного наказания, как исправительные работы и арест, что есть в других «159-х» статьях, зато предусмотрено лишение свободы, которого в других вновь принятых «159-х» статьях нет. Эти обстоятельства переводят санкцию в более жёсткую, а значит привилегированным составом статью 159.4 УК РФ назвать нельзя. Но в то же время максимальный срок наказания в виде лишения свободы в этой статье на год меньше, чем в ст. 159 УК РФ (мошенничество). Так что ни специальными нормами, ни привилегированными составами вновь принятые статьи о мошенничестве признать невозможно с теоретической точки зрения.

Впрочем, что касается ст. 159.4 УК РФ, то постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 320-П признаны неконституционными её положения в части установления более мягкого наказания за мошенничество, сопряжённое с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, совершённое в особо крупном размере: при причинении ущерба на сумму, превышающую шесть миллионов рублей – максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет (ч. 3 ст. 159.4 УК РФ). При этом мошенничество, совершённое в особо крупном размере, каковым признаётся сумма причинённого ущерба свыше двухсот пятидесяти тысяч рублей, наказывается гораздо строже – в санкции ч. 4 ст. 159 УК РФ предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет [1]. В отношении остальных нововведений вопрос о конституционности не исследован, поскольку больше никто, кроме судьи Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа в Конституционный Суд Российской Федерации с подобными вопросами не обратился.

Получается, что все эти составы как бы самостоятельные, однако по содержанию диспозиций видно, что детализация по отдельным видам мошенничества произошла по способу совершения преступления, а если ещё точнее, то по виду обманных действий или по виду злоупотребления доверием. На наш взгляд, подобная детализация излишне перегружает уголовное законодательство. Можно было бы обойтись, например, уточнением редакции примечания к ст. 159 УК РФ, включив в него размер крупного и особо крупного ущерба для статей 159¹, 159³, 159⁴, 159⁵, 159⁶ УК РФ, если уж законодатель решил декриминализировать ряд видов мошенничества.

Есть и другие примеры непродуманного изменения уголовного закона, нарушающего логические основы квалификации преступлений и назначения наказания, которые объём настоящей статьи не позволяет рассмотреть подробно.

Автор считает, что в данной работе новыми являются следующие положения

ния и результаты.

1 Вывод о потенциальной коррупционности уголовно-правовой нормы, содержащейся в ч. 6 ст. 15 УК РФ и предложение способа устранения данного дефекта.

2 Краткое исследование дефиниции преступного сообщества (преступной организации) и вывод, что ряд преступлений априори не может совершаться данной формой соучастия.

3 Вывод об игнорировании законодателем учения об объекте преступления при формулировании ст. 226.1 УК РФ (контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей).

4 Одновременное стремление к гуманизации уголовного законодательства и в то же время детализированию уже давно известных России преступлений привело к нарушению законодателем теоретических основ конструирования уголовного закона. Стремясь улучшить уголовное законодательство, законодатель зачастую игнорирует общеизвестные теоретические основы уголовного права, что может привести к серьезным коллизиям правовых норм, различному применению уголовного закона на практике, что никак не будет способствовать противодействию преступности.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 320-П по делу о проверке конституционности Положений статьи 159.4 уголовного кодекса российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-ненецкого автономного округа. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=134843;fld=134;dst=100 000001,0;rnd=0.43657613219693303> (дата обращения 21.11.2015 г.).

2. Досюкова Т.В. Применение уголовно-правовой нормы об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): рекомендации для практических работников. Саратов: СЮИ МВД РФ, 2000.

3. Досюкова Т.В. Уголовно-правовые, криминологические и социально-психологические особенности форм соучастия в преступлениях в сфере экономической деятельности // Государство и право. 2005. № 8. С. 31–41.

4. Досюкова Т.В. Организованная преступность в сфере экономической деятельности: проблемы квалификации: Специализированный учебный курс / Т.В. Досюкова; М-во образования Рос. Федерации. Саратов. гос. акад. права, Америк. ун-т (г. Вашингтон, США) [и др.]. Саратов, 2003.

Issues of improvement of criminal legislation taking into account theoretical foundations of criminal law

Tat'yana Viktorovna Dosyukova, candidate of law, associate Professor, associate Professor of criminal law and procedure Moscow Witte University

The article analyzes the novel criminal legislation, are not relevant to the theoretical foundations of criminal law, the examples of section 6 of article 15, part 3 of article 35 and 210, article 159.1-159.6, article 226.1, 229.1 of the criminal code.

Keywords: *criminal law, the theoretical basis of the codification, the punishment of imprisonment, category crimetions, criminal community (criminal organization), smuggling, fraud, the object of the crime*